

В. С. Шилов, И. В. Давыдова

**Чудо от иконы Богоматерь Владимирская
при осаде Москвы в 1521 г. войском крымского
хана Мехмед-Гирея в изобразительном искусстве
Ярославля XVII – XVIII вв. Литературный
источник и его художественное отражение**

В статье рассмотрена история появления в церковной живописи Ярославля композиций, иллюстрирующих чудесные события, случившиеся в Московском Кремле в 1521 г. Объектами искусствоведческого анализа являются клеймо иконы середины XVII в. «Богоматерь Владимирская с 18 клеймами чудес» (ЯМЗ), приписываемой иконописцу Иосифу Владимирову, и фреска 1707 г. ярославской церкви Николы в Меленках, автором которой считается изограф Федор Федоров. Цель исследования – уяснение содержания сцен, входящих в композицию «Чудо от иконы Богоматерь Владимирская при осаде Москвы войском крымского хана Мехмед-Гирея».

Ключевые слова: тема иконопочтания в русском искусстве XVI – начала XVIII в.; осада Москвы 1521 г. ханом Мехмед-Гиреем; новое чудо от иконы Богоматерь Владимирская; Лицевой летописный свод; ярославский иконописец Иосиф Владимиров; икона «Богоматерь Владимирская с 18 клеймами чудес»; ярославский иконописец Федор Федоров; фреска церкви Николы в Меленках

Шилов Валерий Сергеевич

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.

Профессор кафедры русского искусства.

Кандидат искусствоведения, доцент.

Член Союза художников России.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.

E-mail: shilov-313@yandex.ru. ORCID: 0009-0007-6409-4543

Давыдова Ирина Владимировна

Санкт-Петербургская Академия художеств имени Ильи Репина.

Аспирантка кафедры русского искусства.

199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.

E-mail: div-karat@mail.ru. ORCID: 0009-0003-3823-9367

Valery Shilov, Irina Davydova

**Miracle of the Icon of Virgin of Vladimir During the Siege
of Moscow in 1521 by the Horde of the Crimean Khan
Mehmed Giray in the Fine Arts of Yaroslavl in 17th–18th
Centuries. Literary Source and Its Artistic Reflection**

The article examines the history of the emergence of compositions in the church painting of Yaroslavl illustrating the miraculous events that took place in the Moscow Kremlin in 1521. The objects of art history analysis are the border scenes of the icon of the

mid-17th century “Virgin of Vladimir with 18 Border Scenes of Miracles” (from the Yaroslavl Museum-Preserve), attributed to the icon painter Joseph Vladimirov and the fresco of 1707 in the Yaroslavl Church of St Nicholas in Melenki, by the icon painter Fyodor Fyodorov. The purpose of scientific research is to clarify the content of the scenes included in the composition “Miracle of the Icon of Virgin of Vladimir during the Siege of Moscow by the horde of the Crimean Khan Mehmed Giray.”

Keywords: theme of icon veneration in Russian art of the 16th – early 18th centuries; siege of Moscow in 1521 by Khan Mehmed Giray; new miracle of the icon Virgin of Vladimir; Illuminated Compiled Chronicle; Yaroslavl icon painter Joseph Vladimirov; icon “Virgin of Vladimir with 18 scenes of miracle”; Yaroslavl icon painter Fyodor Fyodorov; fresco of the Church of St Nicholas in Melenki

Shilov Valery

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.
Professor of the Department of Russian Art.
PhD in Art History, Associate Professor.
Member of the Artists Union of Russia.
Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.
E-mail: shilov-313@yandex.ru. ORCID: 0009-0007-6409-4543

Davydova Irina

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.
Post-graduate student of the Department of Russian Art.
Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.
E-mail: dlv-karat@mail.ru. ORCID: 0009-0003-3823-9367

В конце июля 1521 г. полчища крымского хана Мехмед-Гирея, разбив на Оке войско великого московского князя Василия III, осадили Москву. В отечественные исторические хроники этот сокрушительный татарский набег вошел под названием «Крымский смерч». Для Василия III нашествие бывших союзников оказалось полной неожиданностью. Получив весть о приближении ордынцев¹, князь Москву спешно покинул и перебрался в Волоколамск для сбора новых полков, ответственность за оборону столицы возложив на своего зятя Петра Ибрагимовича².

Москва была переполнена беженцами. В связи с разорением предместий тысячи потерявших кров людям искали спасения за стены нового, возведенного итальянскими зодчими Кремля. В условиях еще не полной блокады зажиточные горожане, а с ними и высшее духовенство стремились покинуть столицу. Служилое и ремесленное население воспринимало это как предательство и всячески пресекало. Социальная ситуация накалялась и становилась взрывоопасной. В городе зрел бунт. Пытаясь бороться с распространением паниче-

ских настроений, митрополит Варлаам призывал паству к терпению, упованию на Бога и покаянной молитве [5, с. 242].

30 июля татары начали разорять и жечь городские окраины. Осажденная и утратившая связь со своим князем Москва с тревогой ожидала приступа. Очень скоро в городе обозначились проблемы с продовольствием и порохом. В поисках выхода из сложившейся ситуации ставленники Василия Ивановича были вынуждены начать с татарами унизительные переговоры и направили в ставку Мехмед-Гирея посольство с богатыми дарами. Не собиравшийся идти на штурм хорошо укрепленного города крымский хан дары принял и потребовал от посланников призвать великого князя ежегодно платить ему дань «по уставу древних времен». Бесславные переговоры продолжались неделю. В итоге все выдвинутые татарами кабальные условия с согласия великого князя, поставленного в известность о ситуации в городе, московской стороной были безоговорочно приняты. В составленной дипломатами договорной грамоте Василий III официально признавал себя данником крымского хана и брал на себя обязательства по выполнению всех требований Мехмед-Гирея [5, с. 243].

Достигнув желаемых результатов, ордынское войско сразу же после заключения договора (договор был заключен между 6 и 8 августа) с богатой добычей и огромным полоном московские пределы покинуло и направилось в сторону Рязани. Великий князь вернулся в Москву только 24 августа. По словам историка А. А. Зимина, по числу людских потерь, количеству угнанного скота и сожженных поселений Крымский смерч может быть соизмерим с Батыевым нашествием. И хотя к выполнению своих даннических обязательств Василий III приступать не стал и сохранил за собой статус независимого самодержца, тяжелые, зачастую невосполнимые потери, понесенные его подданными, давали о себе знать еще очень долгое время [5, с. 243].

Чтобы как-то смягчить горечь воспоминаний о пережитом событии и объяснить причины случившегося и неслучившегося (все могло быть значительно хуже), в среде московского духовенства получила распространение легенда об очередном чудесном спасении

Москвы от «лукавых измаильян» самой Богородицей. В контексте доктрины иконопочитания уход вражеских войск от стен Москвы, как и в предыдущие столетия, был соотнесен с «заступлением» за Русскую землю небесных сил и «неизреченным чудом» главной святыни города – Владимирской иконы Божией Матери.

В письменной версии, составленной и получившей распространение при митрополите Макарии, новое чудо от образа Богоматери «Владимирская» обрело форму исторической повести и получило название «Знамение ужасно и преславно и како спасен бысть град Москва от нашествия безбожных татар...»³. Сначала текст повести воспроизводился в рукописных сборниках, а затем, на рубеже 1550–1560-х гг., по настоянию Макария «Знамение ужасно и преславно...» было включено в состав хронологического повествования 16-й степени Степенной книги царского родословия – главного исторического памятника эпохи правления Ивана Грозного⁴. Помимо рассказа о начале военных действий, разорении татарами русских городов и осаде Мехмед-Гиреем Москвы в указанном произведении находят отражение и события, связанные с иконой Владимирской Богоматери. Автор повести сообщает, что накануне осады ужасное видение посетило известного московского «нагоходыца» Василия. «Через двери церкви отверсты» юродивый узрел, как внутренность кремлевского Успенского собора наполнилась огнем, а находившийся в нижнем ряду иконостаса Богородичный образ сдвинулся со своего места. После этого блаженный услышал исходивший от иконы глас: «Тако людие прогневаша безлобиваго Бога, яко Аз повелением Сына Своего с русскими чудотворцами хощем изытии из града сего» [2, с. 599].

Данное событие имело продолжение. Торжественный исход Богородичного образа из Кремля через Фроловские ворота «чувственными» очами увидела слепая инокиня Вознесенского монастыря. По словам рассказчика, ее мысленному взору представился «светovidный собор святолепных мужей в освященных одеждах». Среди идущих она узнала трех московских митрополитов – Петра, Алексия и Иону, а также святителя Ростовской земли епископа Леонтия, «с ними же несом бяше и самый чудотворный

образ Пречистыя Богоматери иже есть икона Владимирская...». Вслед за святыми отцами шествовало «народа безчислено множество всякаго возраста, мужеска полу и женъска» [2, с. 600]. Увидела монахиня и то, как навстречу святому собору «от великаго торговища Ильинскаго» вышли преподобные чудотворцы Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский и, припав к ногам святителей, стали истово умолять их не покидать перед лицом воинственных иноверцев осажденного города. На вопрос о том, что послужило причиной их исхода, святители ответили, что делают это по воле Господа «понеже людие страх Божий презреща и о заповедях Божих нерадиша». Бог, по их словам, не только «повеле изытии из града сего, но и Пречистыя Матери его чудотворный образ изнести повеле». За грехи и беззверие, объясняли святые отцы, «Бог варварску языку приити дозде, яко да отселе накажутся и к Богу покаянием обратяться» [2, с. 601]. После слезных просьб Сергия и Варлаама о милосердии к заблудшим и «нищим духом» и о восстановлении небесного пастырского покровительства святые архиереи изменили свои намерения, отказались от первоначальных планов и вместе с преподобными, сотворив совокупную молитву перед образом Богоматери Владимирской, вернулись в Кремль. Помимо слепой инокини, это чудесное моление, по утверждению автора повести, сподобились видеть и другие жители Москвы – и «инии мнози» [2, с. 601].

Тема исхода святых отцов из осажденной Москвы получила в тексте повести дополнительное развитие при описании явления пономарю Благовещенской церкви в Дорогомилове, «иде есть дом Ростовских архиепископов», крестителя ростовской земли святителя Леонтия. Пономарь, по утверждению рассказчика, не только видел причисленного к лицу святых епископа, но и общался с ним. Леонтий попросил пономаря поскорее отворить ему церковь, чтобы облачиться в свои хранившиеся в ней «от древних лет» ризы и присоединиться к покидающим Москву другим святым – «облекуся во освященную мою одежду, да немедленно достигну святейших митрополитов, идущих со освященным собором из града сего» [2, с. 602]. Войдя в храм и поменяв свое облачение, святой, по словам

пономаря, «быстъстро отиде ко граду». В подтверждение достоверности данного чудесного события автор повести сообщает, что с начала осады ризы святительские из храма исчезли «и от того времени не обретошася тамо и нигде же инде и до ныне на уверение преславного чудеси» [2, с. 600].

Совместная молитва святых отцов перед чудотворным образом Владимирской Богоматери возымела действие. Согласно тексту повести, в тот же день пришли вести о том, что татары «страхом велим объятии» от города отступили «и плечи вдавше, бегу яшася, не гонимы ни от кого же» [2, с. 600]. Причиной бегства, по словам рассказчика, стали посланные Богородицей на неприятельское воинство страшные и грозные видения. Отправляясь по приказу Мехмед-Гирея на разорение московской округи, татарские военачальники вместе со своим ближайшим окружением видели в полях «неисчетное множество» готовых к сражению русских ратников. Трижды хан посыпал свои отряды в поле и трижды эти отряды возвращались, переполненные ужасом и паническим страхом. Не понимая причины происходящего, Мехмед-Гирей решил не искушать судьбу и дал приказ об отступлении.

Таким образом, по утверждению автора повести, молитвами святых праведников и заступлением Богородицы Москва была спасена: «Божия бо сила прогони их непостыдным представительством Пречистыя Богородицы и молитвами святых всех» [2, с. 602]. Финал трагического события в его трактовке выглядит оптимистично и жизнеутверждающе: «безбожные татары» «страхом одержими побегоша во свояси». При этом боязнь неизбежного возмездия за сотворенные бесчинства была у них столь велика, что, оказавшись в родных пределах, они «своя же улусники, живущая вне Перекопа, всех вогнаша в осаду, боящееся Русская рати» [2, с. 602]. Трагедию жестокого и позорного поражения талантливый православный агиограф превратил в триумф христианской святыни и победу русского оружия. С его подачи очередное чудо от Владимирской иконы Богоматери обрело известность, стало значимым эпизодом новой русской истории.

Первый опыт иллюстрирования «Знамения ужасна и преславна...» относится к началу 1570-х гг. Как часть исторического повествования повесть вошла в состав грозненского Лицевого летописного свода (1568–1576). «Крымский смерч» и чудо от Владимирской иконы Богоматери были представлены в нем 34 миниатюрами. В настоящее время эти изображения хранятся в Российской национальной библиотеке и составляют часть в Шумиловском томе свода⁵.

Как и в других миниатюрах данного памятника, этнические и конфессиональные различия в трактовке описанных в повести персонажей художниками никак и ничем не обозначены. Татарские и русские воины трактованы абсолютно одинаково. Хан Мехмед-Гирей изображается ими повсеместно в зубчатой короне, великий князь Василий Иванович – в шапке с меховой опушкой. Православные архиереи облачены в белые клубки, крещатые омофоры и однотонные различных оттенков ризы, монахи и монахини – в темно-коричневые рясы и голубого цвета куколи. Крепостные и жилые строения решены во всех миниатюрах очень схематично. Главным архитектурным символом Москвы повсеместно является изображение пятиглавого храма – кремлевского Успенского собора (ил. 1, 2).

Видения Василия Блаженного, слепой инокини, а также других упомянутых автором повести свидетелей чудесных событий в живописном повествовании составляют самостоятельные композиции [1, с. 427, 438, 449, 450]. Общение пономаря дорогомиловской церкви с Леонтием Ростовским отражено двумя отдельными эпизодами – первая миниатюра иллюстрирует разговор святителя с пономарем у стен закрытого храма, вторая – переоблачение епископа в священные ризы в алтаре церкви [1, с. 451, 452]. Сцена прославления чудотворного Владимирского образа, спасшего Москву от разорения и разграбления, предшествует в живописном рассказе сценам видения татарским военачальникам неисчислимого русского воинства [1, с. 453]. Действие происходит в интерьере Успенского собора. Службу перед Богородичной иконой возглавляет митрополит Варлаам. О «неизреченном» чуде, совершенном

Богородицей по молитве русских святых, напоминает здесь размещенное художником рядом с образом Владимирской Богоматери иконное изображение основателя московской митрополичьей кафедры святителя Петра. С точки зрения событийности и общего содержания это главный и самый позитивный момент иллюстрируемой повести. Бегство же татарских отрядов воспроизведено миниатюристом в верхней части композиции: за высокой горой изображены фигуры удаляющихся от стен неприступного христианского города вооруженных всадников во главе с человеком в зубчатой короне [1, с. 453].

Надо заметить, что в связи с расширением в европейских странах протестантского движения и распространением в христианской среде иконоборческих настроений [6] тема иконопочтания и чудес, связанных с иконными изображениями, стала в отечественной художественной практике позднего Средневековья одной из центральных. Опасаясь духовного брожения, православные архиереи внимательно следили за тем, чтобы «Кальвинова» и «Лютерова» ереси не проявились и на русской почве. Число вновь созданных икон с клеймами, посвященными чудесам от иконных образов, в XVI–XVII вв. заметно увеличилось. В городах, связанных торговыми отношениями с Европой, повсеместно возводились храмы, алтари которых посвящались чудотворным иконам, главным образом Богородичным. При этом история покровительства Святой Девы Ее чудотворных изображений русским князьям и русскому воинству с наибольшей полнотой проявилась при иллюстрировании чудес от упомянутой выше Владимирской святыни [17].

В середине XVII столетия в Ярославле для прихожан Коровницкой слободы иконописцем Иосифом Владимировым был написан образ Богоматери Владимирской с 18 клеймами чудес (*ил. 3*) [7, с. 320]⁶. Здесь впервые в ярославском искусстве наряду с чудесами, относящимися к киевскому и ростово-суздальскому периодам русской истории, было проиллюстрировано и чудо спасения Богородицей Москвы от разорения и разрушения крымскими татарами в 1521 г. (последнее, 18-е клеймо) (*ил. 4*). Прямых иконографических параллелей с миниатюрами Лицевого летописного свода

в данном произведении не прослеживается. Композиция Иосифа Владимира выглядит во всех отношениях оригинальной. При ее разработке иконописец, скорее всего, обращался к какому-то литературному источнику, представляющему московское чудо несколько в ином ракурсе. Главным свидетелем необычных событий, случившихся в осажденной татарами Москве, у него выступает не слепая инокиня, а хорошо известный в церковных кругах юродивый Василий Блаженный. Пояснительный текст, размещенный на иконном поле справа от клейма, указывает на то, что все, что воспроизведено в данной композиции, есть видение святого Василия. Более того, в данном комментарии сообщается, что Мехмед-Гирей имел намерение чудотворную икону у москвичей забрать и увезти с собой. В восстановленном виде указанная надпись выглядит так: «ПО МНОГИХ ЛѢТ[Е]Х ЗА МНОГИЯ // ГРѢХИ ПОПУСТИВ Б(О)ГЬ КР//ЫМ]СКАГО Ц(А)РЯ НА МОСКОВСКО[Е ГО]// СУДАРСТВО И ИКОНУ Б(О)ГОРОДИ//ЧНУ ОТ(Ъ)ЯТИ ХОТЯ ВИДѢША ВАСИЛИ[И] БЛ[А]//ЖЕННЫИ В СОБОРНОИ Ц(Е) РКВИ ПО//ДВИГШУСЯ ИКОНУ И НЕСЕН[У СВЯ]ТИТЕЛЯМИ ПЕТ[РО]М АЛЕѢѢМ(Ъ)// И ИОНОЮ И УСРЕТОША IX Н[А]// ПУТИ СЕРГИИ ВАРЛАМ И МОЛЯ...// ДА БЫ НЕ ОСТАВИЛИ ГР[АД] //БЕЗ ПОМОЩНИЦЫ И АБИЕ [УМО]//ЛЕНІ БЫША И ВОЗВРАТИША[СЯ]/И ИЗБАВЛЕНЬ БЫСТЬ ГРАД[Ъ]//ОТ ПОГАНЫХЪ [7, с. 327].

На то, что именно святой «нагоходец» был главным свидетелем изнесения чудотворной иконы из Кремля, указывает и трактовка начальной сцены клейма. Здесь юродивый, находясь рядом с Успенским собором, наблюдает не явление божественного огня в интерьере храма, как это прописано в тексте повести и отражено в миниатюре Лицевого свода, а торжественный вынос Богородичного образа из храма святыми архипастырями (*ил. 4*). (В тексте Степенной книги, как было отмечено выше, свидетельницей этого события выступает наследница Вознесенского монастыря [2, с. 600].) О видении шествия святых слепой инокиней художник, однако, тоже не забывает – голова монахини воспроизведена в окне строения, расположенного чуть ниже обнаженной фигуры Василия Блаженного⁷.

Всего же композиция клейма включает в себя четыре эпизода. Помимо рассмотренных сцен (изображение монахини можно считать отельной сценой), ярославский мастер отразил также момент встречи Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским покидающих Кремль и уносящих Богородичную икону святителей и детально описанное в литературном источнике видение пономаря дорогомиловского храма. В первом случае мы видим, как преподобные уговаривают священный собор не оставлять на милость врагов свою паству: оба монаха представлены в просительных согбенных позах (Сергий изображен со склоненной головой стоящим на коленях перед святыми митрополитами); во втором – являемся свидетелями разговора святого Леонтия с не названным в повести по имени пономарем (*ил. 4*). Последний эпизод для ярославского зрителя имел особую значимость, поскольку епископ Леонтий входил в число наиболее почитаемых местных святых и считался одним из основателей Ростово-Ярославской епархии.

Фоном перечисленных сцен художник сделал условную панораму Москвы. Силуэт города формируется щипцовыми верхами палат, куполами многоглавых церквей и шатрами колоколен. Фроловские ворота (кремлевская Спасская башня), где по тексту повести преподобные Сергий и Варлаам остановили соборное шествие и рядом с которыми была совершена совокупная молитва о спасении города, изображены здесь в виде высокого ступенчатого сооружения с ярусом звона, шпилем и венчающим архитектурную композицию двуглавым орлом – символом российской государственности. Градостроительной ситуации первой трети XVI в. данная художественная характеристика московской застройки соответствует мало. Свои изначальные формы сохраняет в клейме лишь фиоравантиевский Успенский собор. Изображения всех других зданий соотнесены в композиции с внешним обликом московских строений XVII столетия. Шатровая надстройка с курантами и ярусом звона появилась над Фроловскими воротами только во время правления Михаила Федоровича – в 1624 г.

И в Москве, и в Ярославле крестные ходы со списками иконы Владимирской Богоматери проводились три раза в год и все они по-

свящались спасению Русской земли от татарских набегов: 26 августа (ст. ст.) вспоминали нашествие на Русь Тамерлана (Темир-Аксака) (1395 г.), 23 июня – победу над ханом Ахматом на Угре (1480 г.), 21 мая – набег Мехмед-Гирея (1521 г.). То, что память о Крымском смерче и последнем великом чуде от Владимирского образа отмечалась (и отмечается по сей день) не в августе, а в мае, объясняется тем, что изначально третье чествование чудотворной иконы с прощением крестного хода из кремлевского Успенского собора в Сретенский Богородичный монастырь было сопряжено церковными властями с датой реставрации и обновления святыни в 1514 г. После изгнания войск Мехмед-Гирея из московских пределов Василий III и митрополит Варлаам приняли решение 21 мая, помимо исторического обновления чудотворного образа, вспоминать и очередное избавление русской земли от татарских полчищ [9].

Как можно судить по заметкам и публикациям ярославских краеведов XIX в., в связи с посвящением теплого храма Коровницкой слободы празднику Сретения Владимирской иконы Богоматери (датируется 1669 г.) Богородичный Владимирский образ являлся одной из главных достопримечательностей церковного прихода. В летний период для обозрения и молитвы икона торжественно переносилась местным клиром в холодный храм Иоанна Златоуста. Была ли эта икона «Иосифова письма» или это был какой-то другой, более древний образ, сведений не сохранилось. Описаний почитаемой святыни дореволюционные исследователи нам не оставили. Известно лишь то, что для Владимирского Богородичного образа у южного пилона Златоустовской церкви был устроен специальный резной киот [11, с. 110; 12, с. 47].

Ярославским иконописцам созданная Иосифом Владимировым икона была хорошо известна. При разработке живописных циклов, посвященных чудесам Владимирской святыни, иконные клейма авторитетного и высоко ценимого в столице изографа (слыл теоретиком церковного искусства, пребывал в дружеских отношениях с руководителем жалованных иконописцев Оружейной палаты Симоном Ушаковым [13, с. 125–127]) нередко использовались ими в качестве иконографических образцов.

В начале XVIII в. к композициям клейм коровницкого Богородичного образа обратился при создании стенной росписи церкви Николы в Меленках (Николо-Мельницкой церкви) (1705–1707) ярославский изограф Федор Федоров [13, с. 718–719]⁸. При разработке тематического цикла, посвященного житию и успению Богородицы, сопровождавшегося сценами чудес от Ее иконных изображений (четвертый регистр росписи четверика) [16, с. 136], Федоров разместил на северной стене три фрески с чудесами от Владимирской иконы Богоматери, в иконографическом отношении очень близкие клеймам иконы Иосифа Владимира. Две первые – «Сон Темир-Аксака» и «Поклонение великого князя Василия I иконе Владимирской Богоматери» – представляли события 1395 г., третья напоминала зрителю о московском чуде Богородицы 1521 г. (ил. 5). Сохранность указанных изображений посредственная. Пояснительные надписи, некогда сопровождавшие их, в результате неоднократных поновлений и реставраций утрачены⁹. В этой связи, как и при рассмотрении 18-го клейма иконы Иосифа Владимира, о содержании интересующей нас композиции мы можем говорить сейчас, опираясь главным образом на рассмотренный выше текст «Знамения ужасна и преславна...».

Число воспроизведенных Федоровым эпизодов то же самое, что и в иконном клейме. В верхней зоне фрескового изображения представлены очевидцы чуда – Василий Блаженный и слепая инокиня; центральную часть композиции занимает сцена встречи покидающих Кремль святителей преподобными Сергием и Варлаамом; правый верхний угол фрески отведен под изображение видения пономаря дорогомиловской церкви. Смысловым узлом всех этих сцен художник сделал несомый святыми митрополитами Петром и Алексием чудотворный образ Богоматери Владимирской.

Фоновая часть композиции является собой сложный архитектурный пейзаж, сформированный разновеликими силуэтами крепостных и церковных строений. Как и в клейме коровницкой иконы, московский адрес иллюстрируемого чуда обозначен воспроизведением за спинами участников соборного шествия узнавае-

мых очертаний кремлевской Спасской башни. На ее фасаде Федор Федоров запечатлел два диска курантов – уникального произведения шотландского часовых дел мастера Христофора Головея. Эти куранты с двумя подвижными циферблатами (верхний диск, со знаками зодиака, был предназначен для обозначения текущего месяца, нижний, с буквенным обозначением, цифр указывал время суток) художник, безусловно, видел во время своих неоднократных посещений Москвы и по памяти отразил во фреске исходя из своих впечатлений. Примечательно, что данное изображение курантов стало последней художественной фиксацией памятника. В 1706 г. по приказу Петра I уже не работавший механизм Головея был разобран и заменен новым – голландским (установка последнего заняла 2 года). Новые куранты были устроены иначе и выглядели по-другому – имели европейский 12-часовой циферблат и две движущиеся по кругу стрелки. Диск с изображением астрологических символов с фасада Спасской башни исчез навсегда [3, с. 191].

В заключение отметим, что до последнего времени содержание рассмотренной фресковой композиции Николо-Мельницкой церкви оставалось для специалистов неясным. Сцена с выносом иконы представлялась как одно из чудес от Владимирской иконы Богоматери, но эпизоды проиллюстрированного чуда, ввиду отсутствия сведений о его литературной основе, никак не комментировались [15, с. 121; 14, с. 224; 10]. По результатам проведенного сравнительного анализа мы можем теперь не только уверенно атрибутировать все утратившие пояснительные надписи художественные составляющие фрески, но и говорить об имевшей место творческой преемственности в среде ярославских мастеров церковной живописи XVII–XVIII столетий.

Тема иконопочитания в церковном искусстве Петровского времени на фоне заметного расширения экономических связей с государствами протестантской Европы и появления при царском дворе большого числа служилых людей из голландских и немецких земель не только не потеряла своей значимости, но по сравнению с предшествующим историческим периодом оказалась даже еще более актуальной и востребованной. Разработанный Федором Федоровым

для Николо-Мельницкой церкви тематический цикл, посвященный чудесам от различных Богородичных образов, стал первым полноценным циклом такого рода в храмовых росписях Верхнего Поволжья. При его создании изограф обращался к самым разным литературным и иконографическим источникам. Не была им забыта, как показало наше исследование, и икона Иосифа Владимира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Численность татарского войска, включавшего не только крымцев, но и казанцев во главе с ханом Сахибом Гиреем, составляла, по мнению специалистов, около 35 тысяч человек [8, с. 167].

² **Петр Ибрагимович** – до крещения казанский царевич Худай-Кул, ведший свое родословие от Чингисхана. После крещения утратил право на ханский престол, пребывал в браке с младшей сестрой великого князя Василия III Евдокией. Умер при невыясненных обстоятельствах в 1523 г. Погребен в Архангельском соборе Московского Кремля.

³ В настоящее время о начальном варианте повести специалисты судят по тексту рукописного сборника 1609 г. из Рогожского собрания (отдел рукописей Российской государственной библиотеки), опубликованного А. А. Зиминым. «Знамение ужасно и преславно...» наряду с еще двумя повестями – «О великом и сугубом пожаре» и «Чудо о тати великия церкви соборная пречистыя» – знакомило читателей с чудесами Владимирской иконы, случившимися в Москве в годы правления Василия III и Ивана Грозного. По утверждению Зимина, все три произведения были составлены между 1547 и 1563 г. книжником из ближайшего окружения митрополита Макария [4].

⁴ Автором этого труда принято считать протопопа кремлевского Благовещенского собора Андрея. Текст Степенной книги в редакции П. Г. Васенко включен в 21-й том Полного собрания русских летописей. История нашествия на Русь войск Мехмед-Гирея вошла во 2-ю часть данного издания [2, с. 599–602].

⁵ Нами в процессе работы использовались репродукции 18-го тома репринтного издания Лицевого летописного свода [1, с. 424–461].

⁶ Атрибуция искусствоведа Ярославской реставрационной мастерской (ЯСНРП) Т. Е. Казакевич, первой работавшей с памятником, представляется убедительной и сомнений не вызывает.

⁷ Пояснительная надпись, оставленная художником слева от этого изображения, повреждена и полностью не читается: «...ЕН...ЗРИ //...Н...ДЕМЬ I // ИОНА... Нъ...//...МОНАСТЫ//РЯ ...С...СЯ// ВИДЬНИЕ СЕМЬ» [7, с. 327].

⁸ В работе над мельницкой стенописью принимали участие 18 иконописцев. Федоров выступал не только в роли руководителя, но и иконографа и главного знаменщика [16, с. 136].

⁹ С историей бегства из пределов Московского государства войск Темир-Аксака и содержанием рассказа об обещании Василия I построить на месте встречи жителями Москвы летом 1395 г. чудотворного Владимирского образа Сретенскую Богородичную церковь и монастырь ярославский читатель мог познакомиться по материалам рукописных сборников. Оба сочинения неоднократно переписывались и нашли отражение в Степенной книге царского родословия [2, с. 436–438].

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 18. 1568 – 1576 гг. М. : Актеон, 2014. 512 с. // Руниверс: электронная библиотека. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book481313/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 11.10.2024).
2. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Изд. 1-е. Половина 2-я. Книга Степенной царского родословия (11–17 степени грани). СПб., 1913. 708 с.
3. Забелин И. Е. История города Москвы. М. : Столица, 1990. 688 с.
4. Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // DrevLit.ru : библиотека древних рукописей. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1520-1540/Povest_XVIv_rogoz_sob/text.php (дата обращения: 15.10.2024).
5. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.) М. : Мысль, 1972. 452 с.
6. Иванкина А. В. Иконоборческое движение в Нидерландах в XVI в. как этап культурной метаморфозы европейской цивилизации // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonoborcheskoe-dvizhenie-v-niderlandah-v-xvi-v-kak-etap-kulturnoy-metamorfozy-evropeyskoj-tsivilizatsii/viewer> (дата обращения: 22.10.2024).
7. Иконы Ярославля XIII – середины XVII века. М. : Северный Паломник, 2009. Т. 2. 528 с.
8. Илюшин Б. А. Казанские войны Василия III. Казань : Логос, 2021. 428 с.
9. Казакевич А. Н., Р. Э. П. Московский в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери ставропигиальный мужской монастырь // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла : электронная версия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2564214.html> (дата обращения: 19.10.2024).
10. Казакевич Т. Е., Ш. А. Церковь Николы в Меленках (Ярославль) // Яркіпедія : интернет-портал, посвященный Ярославскому краю. URL: <https://yarwiki.ru/article/151/cerkov-nikoly-v-melenkah-yaroslavl> (дата обращения: 12.10.2024).
11. Крылов А. П. Церковно-археологическое описание города Ярославля. Ярославль : тип. Г. Фалька, 1860. 291 с.
12. Лествицын В. И. Краткий путеводитель по церквам гор. Ярославля. Ярославль : типо-литогр. Г. Фалька, 1887. 56 с.

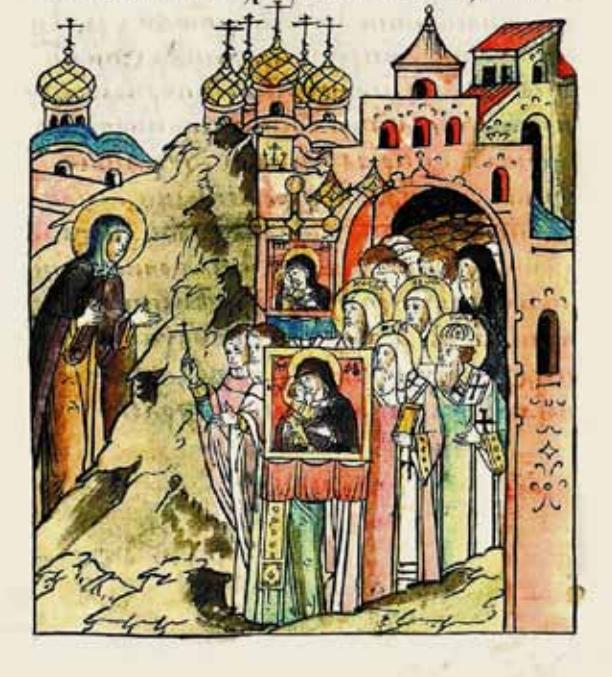
13. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / ред.-сост. И. А. Кочетков. М. : Индрик, 2003. 816 с.
14. *Суслов А. И., Чураков С. С.* Ярославль. М. : Госстройиздат, 1960. 280 с.
15. Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Т. 4. // Записки Московского археологического института. Т. 39. М., 1916. 512 с.
16. Шилов В. С., Давыдова И. В. Цикл Богородичных чудес в росписи ярославской церкви Николы в Меленках. Сюжетный состав и литературные источники. (Часть 1. Фрески южной и западной стен) // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Вып. 67 : Вопросы теории культуры. СПб. : С.-Петербург. академия художеств, 2023. С. 135–151.
17. Щенникова Л. А. Иконы с клеймами сказания о Владимирской иконе // Владимирская икона Божией Матери // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла : электронная версия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/154962.html> (дата обращения: 19.10.2024).

Внезапоужемыйшахуонаканык . искоре
Баткішесопідземякестпогашамъ доста
тнуби племынбогородинмынгрымешкад .
и посауцишиахуонемъзапалити .
и наизбранииикважишнаасыл . и не по
пештийиця не тишишэзловити юлчы
пашредити . попеприблизитишиа медаке
имя . кыжетпогламожайшишылбюде

1. Войско Мехмед-Гирея у стен Москвы. Миниатюра Шумиловского тома Лицевого летописного свода [1, с. 433]

бродѣ пелѣ прѣропо и дослыша спаси
пдѣтесомъ мишастьри . Холаи знесе
нія . и дѣже целисы да и гни постригъ
хука и шола яхука . кысукшегдаси ли
деприле яху ма таша та соке ашеречес .
тогдай и писаны прилѣпъ а прости
рьши ма таша цкѣ . шонзка ценіи прележа
цилесорбъ . якѣслы шин та сошо ута пеъ .
иши хоржетрашен . и сопа та соплаша
а си кола ова . и та коважтвена ма
машеніемъ ше хицн пльбы шно умомъ :

2. Видение слепой инокини изнесения из Кремля иконы
Владимирской Богоматери. Миниатюра Шумиловского тома
Лицевого летописного свода [1, с. 439]

3. Иосиф Владимиров. Икона Богоматерь Владимирская с 18 клеймами чудес. Середина XVII в. Ярославский музей-заповедник

4. Чудо от иконы Богоматерь Владимирская при осаде Москвы в 1521 г.
18-е клеймо. «Богоматерь Владимирская с 18 клеймами чудес». Фото
И. В. Давыдовой

5. Чудо от иконы Богоматерь Владимирская при осаде Москвы в 1521 г.
Фреска 1707 г. ярославской церкви Николы в Меленках.
Фото М. В. Тропина